

Вторая группа включает в себя те признаки, которые характеризуют каждое обстоятельство. Данные признаки закреплены в статьях главы 6 УК Республики Беларусь, посвященных каждому из обстоятельств, исключающих преступности деяния.

Что касается третьей группы признаков, то споры в научной литературе ведутся по вопросу о том, какой именно признак преступления – общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость – отсутствует в рассматриваемых ситуациях.

Н.Г. Иванов считает, что при таких обстоятельствах отсутствуют сразу все признаки преступления: «Раз нет преступления, значит нет и признаков, характеризующих деяние как преступное» [2, с. 80–81]. Однако далее автор рассуждает про общественную полезность, говоря о том, что не все обстоятельства, исключающие преступность деяния, предусмотренные в уголовном законодательстве, могут быть признаны общественно полезными [2, с. 81]. Если обстоятельства не являются полезными, значит они в той или иной степени опасны для общества. На наш взгляд, одновременно все признаки преступления не могут отсутствовать в обстоятельствах, исключающих преступность деяния. В таком случае между ними и преступлениями были бы очевидные различия и не было бы необходимости проводить сопоставление их друг с другом.

Некоторые авторы полагают, что в обстоятельствах, исключающих преступность деяния, «полностью или частично» отсутствует признак общественной опасности [9, с. 102]. Такое мнение также вызывает сомнение. Согласимся с В.В. Ореховым, что при отсутствии общественной опасности вреда нет смысла исключать его противоправность [5, с. 20]. По сути такое замечание верно. Однако закономерно встает вопрос: может ли вред быть общественно неопасным? Смысл данного слова как раз и сводится к нанесению вреда каким-либо интересам. С этой точки зрения, утверждение о частичном отсутствии в рассматриваемых обстоятельствах признака общественной опасности также некорректно.

Большинство авторов считают, что в обстоятельствах, исключающих преступность деяния, отсутствует признак противоправности [4, с. 63–64; 5, с. 19–20]. С.В. Пархоменко пишет, что в обстоятельствах, исключающих преступность деяния, отсутствует признак противоправности в силу того, что законодателем разрешено действовать путем причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны [6, с. 64, 80]. В.В. Орехов отмечает, что общественно опасное деяние может быть правомерным в силу прямого указания закона. Тем самым закон исключает их противоправность [5, с. 19–20].

Таким образом, отличие обстоятельств, исключающих преступность деяния, от преступлений, прежде всего, проводится по отсутствию в первых противоправности, а в некоторых случаях – еще и виновности. Отсутствие этих признаков влечет отмену признака наказуемости, за счет чего уменьшается значение признака общественной опасности данных ситуаций.

Заключение. По итогам проведенного исследования можно внести следующие предложения по изменению норм действующего уголовного закона:

1. В силу того, что понятие «обстоятельства, исключающие преступность деяния» объективно не отражает заложенную в него юридическую сущность, представляется возможным заменить название главы 6 УК Республики Беларусь «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» на «Ситуации, исключающие преступность деяния». Такая формулировка названия будет максимально точно отражать действительность ситуации как совокупности ряда факторов, нескольких обстоятельств.

2. Дополнить УК Республики Беларусь статьей, содержащей определение ситуаций, исключающих преступность деяния. Такая статья должна находиться в начале главы 6 УК Республики Беларусь, перед характеристикой самих ситуаций. Возможна следующая ее формулировка:

«33¹. Понятие ситуаций, исключающих преступность деяния.

Ситуации, исключающие преступность деяния, – это обстоятельства, при действительном наличии которых деяние, формально содержащее признаки преступления, признается правомерным».

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учебн. / Н.А. Бабий. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.
2. Иванов, Н.Г. Модельный уголовный кодекс: Общая часть. Опус № 1: монография / Н.Г. Иванов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право, 2003. – 143 с.
3. Михайлов, В.И. О содержании норм главы 8 УК России / В.И. Михайлов // Государство и право. – 2010. – № 12. – С. 34–41.
4. Михайлов, В.И. О социально-юридическом аспекте содержания обстоятельств, исключающих преступность деяния / В.И. Михайлов // Государство и право. – 1995. – № 12. – С. 60–69.
5. Орехов, В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 217 с.
6. Пархоменко, С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости / С.В. Пархоменко. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 267 с.
7. Словарь русского языка: 70000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Н.Ю. Шведовой. – 22 изд. – М.: Рус. яз., 1990. – 921 с.
8. Смирнова, Л.Н. Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление / Л.Н. Смирнова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2005. – 281 с.
9. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебн. / М.П. Журавлев [и др.]; под общ. ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. – М.: Норма, 2007. – 576 с.
10. Уголовное право. Общая часть: учебн. / В.М. Хомич [и др.]; под общ. ред. В.М. Хомича. – Минск: Тесей, 2002. – 496 с.
11. Шайдаев, М.Ш. К вопросу о соотношении обстановки совершения преступления и обстоятельств, исключающих преступность деяния / М.Ш. Шайдаев // Уголовное право: стратегия развития в XXI в. – М., 2004. – С. 185–189.

Материал поступил в редакцию 26.10.12

GLUKHOVA O.V., PAKHOLKO S.V. Concept and signs of circumstances excluding criminality

There is no legal definition of concept "circumstances excluding criminality" in the criminal legislation of the Republic of Belarus. However, the circle of those distinctive characteristics which allow pointing out such circumstances into a separate group and classify them into types depends on its content. The article presents the points of view of various authors on the definition of the concept "circumstances excluding criminality", the necessity to adjust and make the appropriate changes to the title of Chapter 6 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, and the signs of these circumstances are considered.

УДК 323.1 (470+571)

Стариков В.И.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Международные отношения являются важным элементом общественных отношений. Регулирование взаимодействий между различными этническими образованиями суть национальной поли-

тики любого государства. Национальная политика – это совокупность принципов, норм, правил, посредством которых государство управляет национальными отношениями. Это система мер, направ-

Стариков Виктор Иванович, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры политологии и гуманитарных дисциплин Института парламентаризма и предпринимательства.

ленных на учет, сочетание и реализацию национальных интересов, на разрешение противоречий в национально-этнической сфере. Особенно актуален этот вопрос для многонациональных стран, федераций различного типа.

По действующей Конституции «Россия есть демократическое федеративное правовое государство» [1, с.4], и её федеративное устройство «основано на её государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» [2, с.5]. Однако в отличие от традиционных моделей федерализма российская модель имеет определенное своеобразие.

Во-первых, своими корнями она уходит в советскую федерацию, созданную в 1922 году административным путем. Можно сказать, что этот федерализм насаждался сверху. Нередко титульные этносы не составляли большинства населения в автономных образованиях. В целом же федерализация носила национальный характер, оказалась недемократичной и политически малоэффективной. Не случайно она рухнула вместе с падением власти КПСС. Во-вторых, в России осуществлен смешанный тип федерализма, сочетающий административно-территориальный и национально-территориальный принципы. Среди субъектов Российской Федерации – национальные республики, автономные округа и области, а также края, области и федеральные города, сформированные на внациональной основе. В-третьих, процесс федерализации России до сих пор остается все еще как бы незавершенным. Суть этой незавершенности в том, что некоторые субъекты добиваются изменения своего статуса вплоть до выхода из него, и в том, что многие коренные российские этносы никаким самоопределением или субъектностью не обладают и с такой ситуацией не согласны. Такое состояние федеративного государства, а также особенности политического режима в современной России находят отражение в национальных отношениях. Эти отношения характеризуются нестабильностью и конфликтностью.

В этой связи необходимо остановиться на специфике межнационального конфликта, поскольку этот тип конфликтных отношений чаще всего рассматривается в политологии как разновидность политического противоречия. Следует иметь в виду, что этнонациональных отношений в чистом виде не существует. Этнические конфликты обычно бывают детерминированы целым комплексом экономических, социальных, религиозных, культурных проблем и вместе с тем они всегда имеют тенденцию перерастания в политические конфликты. Это связано с тем, что многие этнические общности уверены, что решить свои проблемы они могут, только изменив свой политический статус или расширив свое представительство в системе власти и управления. Само собой разумеется, этнополитические конфликты часто связаны с территориальными претензиями.

Что касается дефиниции этнополитического конфликта, то его, на наш взгляд, можно определить как одну из форм отношений национальных общностей, характеризующуюся столкновением интересов различных этносов между собой, а также между ними, с одной стороны, и органами государственной власти – с другой. Отличительной особенностью межнационального конфликта является стремление этнических элит к повышению своего политического статуса, получению более широких властных полномочий, улучшению экономического положения, сохранению национальных традиций, языкового и культурного своеобразия. Толчком к конфликту могут стать как общие, так и совершенно конкретные, ситуативные факторы, характерные для того или иного региона.

Конфликты стали реальностью в России в связи с резким обострением межнациональных отношений еще в бывшем СССР со второй половины 80-х годов прошлого столетия. Тогда националистические проявления в ряде регионов насторожили центр, но никаких действенных мер по их локализации принято не было. Первые беспорядки на национальной почве произошли весной 1986 года в Якутии, а в декабре этого же года – в Алма-Ате. Затем последовали демонстрации крымских татар в городах Узбекистана, а также в Москве на Красной площади. «Началась эскалация этнических кон-

фликтов, приведших к кровопролитию (Сумгаит, Фергана, Ош). Зона конфликтных действий расширилась. В 1989 году возникло несколько очагов конфликтов в Средней Азии и в Закавказье. Позднее они охватили Приднестровье, Крым, Поволжье, северный Кавказ. Только с 1988 по 1991 гг. на этнической почве в бывших советских республиках произошло более 150 конфликтов, в том числе около 20, повлекших человеческие жертвы» [3].

Экономические и социальные проблемы, политические противоречия внутри субъектов федерации, а также между ними и центром стимулируют такие конфликты. Существует напряжение в отношениях между чеченцами и казаками, ингушами и осетинами, кабардинцами и балкарцами, в молодежных группах в Якутии, Туве и др. Недостаточное внимание к этническим конфликтам чревато тем, что число столкновений растёт, и они становятся все острее [4, с. 109].

В целом в России сегодня можно выделить следующие типичные конфликты:

- «статусные» конфликты российских республик с федеральным правительством, вызванные стремлением республик добиться большего объема прав или вообще стать независимыми государствами;
- территориальные конфликты между субъектами федерации;
- внутренние (происходящие внутри субъектов федерации) этнополитические конфликты, связанные с реальными противоречиями между интересами различных этнических групп. В основном это противоречия между титульными нациями в республиках и русским (русскоязычным) населением.

С точки зрения остроты конфликта, можно выделить следующие их разновидности:

- зоны острых кризисных конфликтов: Северная Осетия – Ингушетия;
- потенциально кризисные ситуации – Краснодарский край. Здесь основным фактором межнациональных противоречий являются миграционные процессы, в результате которых обостряется обстановка;
- зоны сильного регионального сепаратизма (Татарстан, Башкортостан);
- зоны среднего регионального сепаратизма (Республика Коми);
- зоны вяло текущего сепаратизма (Сибирь, Дальний Восток, ряд республик Поволжья, Карелия и др.).

Как уже отмечалось, одним из факторов межнациональной напряженности в России являются миграционные процессы. Сюда эмигрирует, с одной стороны, русское (русскоязычное) население, вытесняемое из стран Балтии и СНГ, с другой – нарастает процесс трудовой миграции. Последняя ныне стала самым массовым и динамичным миграционным потоком в России. По данным Управления внешней трудовой миграции Федеральной миграционной службы России, привлечение иностранных работников на законных основаниях в экономику страны возросло в 2005 г. в сравнении с 1994 г. со 129 тыс. человек до 702,5 тыс., т. е. в 5,4 раза, а только за 2005 г. – в полтора раза. Наиболее высокими темпами в 2005 г. в сравнении с 2004 г. возросла численность работников из Туркмении (в 5 раз), Таджикистана (в 2,2 раза), Киргизии и Узбекистана (более чем в 2 раза), Азербайджана (в 1,7 раза) [5, с. 5]. По официальным данным, в 2006 г. в РФ легально использовался труд 706 тыс. иностранцев, среди которых доля граждан СНГ составляла более половины. В то же время по данным МВД России, на одного легально работающего иностранца приходится 10 незаконно работающих иммигрантов [6]. Согласно разным уже неофициальным данным в РФ трудятся сегодня от 7 до 24 млн. незаконных эмигрантов (в том числе по разным оценкам от 400 тыс. до 20 млн. китайцев), 80% нелегальных «гастарбайтеров» – это граждане государств СНГ. Лидируют Армения, Азербайджан, Грузия и Украина. Впрочем, за последнее время, как уже отмечалось, увеличился эмиграционный поток из Туркмении, Киргизии и Узбекистана. По словам директора Федеральной миграционной службы РФ К. Ромодановского, нелегальная миграция – «это колоссальный ущерб для страны. Нелегальные иммигранты не платят налогов, уклоняются от уплаты пошлин. По оценкам Федеральной налоговой службы, только прямые убытки, ежегодно нано-

симые нелегалами, составляют более 200 млрд. рублей. Это сопоставимо с расходами федерального бюджета на образование или социальную политику» [7, с. 26-27]. Однако при этом ничего не говорится о выгоде эксплуатации дешевой рабочей силы.

Как считают исследователи, нынешний практически неуправляемый и неопределяемый государством характер миграции дает серьезные основания опасаться, что в России (как это уже имеет место в большинстве стран Запада) начнется процесс формирования замкнутых иммигрантских (прежде всего мусульманских) сообществ и в крупных городах появятся «этнические» кварталы. Все это может привести к дальнейшему росту преступности на национальной почве. Замечено, что «центр тяжести этнической конфликтности смещается в сторону кавказофобии и китаефобии. Среди населения наблюдается рост национальной нетерпимости, основными причинами которой, по данным социологов, являются:

- засилье приезжих и их вызывающее поведение («многие приезжие не хотят себя по-человечески вести» – 11%);
- неправильная внутренняя политика государства, беззаконие, коррупция («в политике отсутствует национальный вопрос», «власти сами нагнетают и обостряют ситуацию», «нет порядка в стране, коррупция» – 8%);
- бедность основной массы населения, большой разрыв между богатыми и бедными, зависть к богатым («восточные люди богачи, а наши – бедные», «всем плохо живется, вот и сгоняют зло друг на друга» – 7%);
- несдержанность, невоспитанность, бездуховность и бескультурье приезжих (7%);
- агрессивность молодежи и молодежных группировок экстремистского толка («РНЕ», «неофашисты», «группы вроде фашистов», «бритоголовые», «скинхеды» – 5%);
- шовинистические настроения, деятельность националистических группировок (4%);
- различия в национальных традициях и религии (3%);
- национальные, расовые предрассудки («неуважение, неприязнь к другим национальностям», «расисты» – 3%);
- алкоголизм, наркомания, безделье (2%).

В целом реакция россиян на инонациональных приезжих носит негативный характер. 62% опрошенных считают, что следует ограничить въезд представителей некоторых национальностей в их регионы. Большинство опрошенных (52%), в том числе те, кому не приходилось, по их собственному признанию, испытывать неприязнь по отношению к представителям других национальностей, одобрили бы решение о выселении некоторых национальных групп за пределы их региона. Характерен и такой факт: более трети россиян (39%) уверены, что многонациональность России приносит ей больше вреда, чем пользы [8, с. 82–83].

Как видим, существует определенная нетерпимость коренного населения регионов России по отношению к инонациональным иммигрантам. Не случайно проблема миграции связывается даже с проблемами национальной безопасности. Так, согласно «Концепции национальной безопасности РФ» к угрозам национальной безопасности отнесена и неконтролируемая миграция, способствующая росту национализма, политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и создающая условия для возникновения социальных конфликтов [9, с. 694].

Так что, по-видимому, правы те социологи, которые увязывают рост этно- и мигрантофобий в период так называемой «травматической трансформации» (П. Штомпка), с разрастающимся комплексом социальных обид, принимающих, тем не менее, форму не социального, а этнически или расово окрашенного протеста, не имеющего «ясного адреса». Такое объяснение, прежде всего, применимо к той части молодежи крупных городов, которая фактически не имеет перспектив вырваться из полумаргинального, люмпен-пролетарского существования, вырваться из подвалов, получить достойное образование и сделать карьеру в нынешнем российском обществе, где социальное расхождение исключительно высоко [10, с. 61-71]. Именно они предрасположены обвинять во всех бедах «чужих» – «черных», «кавказцев» и

др. Именно они становятся основными участниками экстремистских националистических организаций и движений, именно они совершают большую часть преступлений против иностранцев.

Довольно болезненной проблемой национальных отношений в России является проблема этнического сепаратизма. Основные его причины, как считают Ю. Морозов и В. Лутовинов, связаны с историческим прошлым этносов, нечеткостью или отсутствием демаркации существующих границ, возвращением на историческую родину ранее депортированных народов, произвольным изменением границ, насильственным включением территории этноса в соседнее государство, расчленением этноса между различными государствами и другими моментами [11].

Этнический сепаратизм, как правило, обостряется в периоды социально-экономической нестабильности, сопровождающейся бескомпромиссной борьбой за власть, растущей преступностью и другими неурядицами. Его возникновению способствует также неудовлетворительная работа государственного аппарата и правоохранительных органов, отсутствие действенных механизмов защиты прав граждан. Все это способствует появлению у оппозиционно настроенных к власти этногрупп соблазна разрешить существующие трудности, противоречия, проблемы силовым путем.

Среди экономических, политических и иных причин, которые способствуют возникновению сепаратистских настроений и даже вооруженных конфликтов на этой почве, важное место занимают интересы сопредельных, а также «великих держав», порой не участвующих напрямую в военных действиях. Интересы и противоречия этих стран способствуют эскалации насилия, а поддержка ими одной из конфликтующих сторон оказывает большое, а подчас решающее влияние на течение и исход этнополитического конфликта.

Важной особенностью сепаратистских движений является то, что в отличие от крупномасштабных войн с большим количеством участников, этнические конфликты, как правило, двухсторонние. Поэтому привлечение на свою сторону общественного мнения в других странах одна из основных особенностей такого рода конфликтов. Наличие союзников придает сепаратистам силы. Чувствуя моральную поддержку, они часто переходят от военных действий к открытому террору, полагая, что и в этом случае мировая общественность будет на их стороне.

Этнический терроризм представляет собой неадекватную форму борьбы против действительного или мнимого ущемления прав и интересов отдельных наций и этнических групп. Идейной основой такого вида терроризма является национализм в самых разных формах. А довольно часто этнический терроризм связан с сепаратистскими устремлениями к созданию новых государств за счет расчленения уже существующих; может переплетаться также с другими формами незаконной насильственной деятельности – партизанской войной, восстаниями, мятежами, попытками государственного переворота и т.д.

В целом, об этническом терроризме можно говорить как о насильственных действиях, которые преследуют откровенно сепаратистские цели, не имеющие ничего общего с законным правом на национальное самоопределение. В этой связи серьезными практическими проблемами становится вопрос о разграничении сепаратизма и национально-освободительного движения, имеющего правовую основу, морально-этическое обоснование, а также проблема коллизии между международно-правовыми принципами самоопределения наций и народов и сохранением территориальной целостности государств [12, с. 22–35]. Принцип самоопределения народов был закреплён в международном праве тогда, когда колониализм был ещё массовым явлением, и использовался впоследствии как законная основа процесса деколонизации.

Когда же процесс деколонизации в основном завершился, при образовании новых государств необходимо было делать сложный выбор между принципами самоопределения и территориальной целостностью [13, с. 51]. Поскольку четкого юридического механизма разрешения возникающих коллизий не существует, каждый раз вопрос о том, какому принципу – территориальной целостности или самоопределению – отдать предпочтение, решается на основе глубокого политического подхода, в соответствии с соотношением потенци-

ала и интересов вовлечённых в ситуацию государств, что неизбежно порождает двойные стандарты.

На сегодняшний день на международном уровне не выработаны не только правовые нормы самоопределения народов, но и чёткие дефиниции национального меньшинства и его прав. При определении данного понятия берутся во внимание такие факторы, как количественный аспект, негосподствующее положение, различия в этническом или национальном характере, культуре, языке или религии, а также индивидуальное отношение (принятие решения о принадлежности или непринадлежности к нацменьшинству). К примеру, в Германии национальными меньшинствами признают себя фризцы, датчане, сербы, цыгане. А вот евреи себя нацменьшинством не признают, а считают себя религиозной конфессиональной группой. Уйгуры в Китае (10 миллионов человек) считаются национальным меньшинством; многомиллионное население курдов, россияне в странах СНГ и Балтии также являются нацменьшинствами.

Об исключительной сложности данной проблемы свидетельствуют хотя бы такие факты, что в настоящее время в мире существует более 3 тыс. этносов, из которых только около 200 имеют свои государственные образования. В Дагестане на 1802 тыс. населения приходится 102 этноса, т. е. в среднем каждый этнос насчитывает 17 тыс. человек [14, с. 51]. Означает ли это, что на территории Дагестана может быть образовано 102 самостоятельных государств? Думается, что вопрос риторический.

Наглядным примером сепаратистского этнополитического движения являются события в Чечне, которая в ноябре 1991 г. встала на путь вооружённой борьбы за независимость, полное отделение от России с использованием всех возможных средств, в том числе и многочисленных террористических акций на территории Российской Федерации со взрывами добровольцев-смертников, захватом заложников, в том числе в самой Москве. Эта борьба длительное время велась с переменным успехом, на территории республики были введены российские войска и разрушена её столица Грозный. Зарубежные исламисты оказывали всяческую помощь и поддержку режиму Д. Дудаева, самопровозглашенной Республике Ичкерии. Однако силы были неравны. В 2000 году произошёл раскол политических сил в республике на два лагеря: противников федерального центра (незаконные вооружённые формирования) и законного руководства Чеченской республики, возглавляемого А. Кадыровым. В начале этой фазы основное внимание федеральных органов власти, правоохранительных органов и военных было нацелено на ликвидацию террористов, разгром незаконных вооружённых формирований и разоблачение их деятельности. С проведением референдума по принятию конституции и выборов Президента Чеченской Республики в 2003 г. на первый план федеральной политики были выдвинуты стратегии мирного строительства и сотрудничества. Однако серия политических терактов в 2004 г. вновь активизировала решительные настроения органов государственного управления России.

В структуре целей законного руководства Чеченской Республики стали преобладать стратегии совместного сотрудничества с федеральными органами власти. Вместе с тем лидеры незаконных вооружённых формирований и террористических групп продолжали занимать непримиримую позицию. Уничтожение А. Масхадова в 2005 г. и Ш. Басаева – в 2006 г., а также многих других полевых командиров в значительной мере изменило внутреннюю ситуацию в республике и позволило президенту России В.В. Путину заявить об окончании контртеррористической операции «при понимании того, что правоохранительные органы Чечни практически берут на себя ответственность за состояние правоохранительной сферы» [15].

Проблемы этнического сепаратизма в России во многом обусловлены её территориальным устройством, ибо она представляет собой уникальную, не имеющую аналога в истории федерацию. Она одновременно иерархична и асимметрична, построена на смеси национально-государственного и территориально-административного, договорного и конституционного принципов; часть субъектов Федерации входит в состав других субъектов Федерации. Это, с одной стороны, необоснованно ставит в неравное положение субъекты Федерации, а с другой – объективно генерирует напряжённость

как на межрегиональном уровне, так и во взаимоотношениях центра с регионами. В результате формируются условия для дезинтеграции единого политического пространства. Таким образом, причиной проблем во многом является несовершенство самого федеративного устройства.

К особенностям российского федерализма, определяющего его уязвимость, помимо указанного выше, следует также отнести несбалансированность ресурсов и полномочий региональных органов власти, а также влияние в федеративных отношениях интересов крупных финансово-промышленных корпораций. По-прежнему нерешёнными остаются экономические проблемы регионов, отсутствует общегосударственная идеология. Преобладавший в 90-е годы сепаратизм республик всё больше замещается ростом дезинтеграционных процессов в целом ряде краёв и областей России.

Таким образом, вполне очевидно, что территориальная целостность России органично связана с оптимизацией федеративного устройства страны и, прежде всего, с разрешением противоречия, обусловленного асимметричной формой федерализации. То есть речь идет, по сути, о диэтнизации российской государственности, но это чрезвычайно сложный вопрос, который может вызвать к жизни массу других проблем.

Немаловажной проблемой национально-государственного строительства России является ситуация, сложившаяся в связи с признанием ею независимости Южной Осетии и Абхазии. Грузия по отношению к этим автономным образованиям в своём составе издавна проводила ассимиляторскую политику, поэтому те, спасаясь от окончательной денационализации, всегда ориентировались на Россию.

Осетины настойчиво требовали реализации своего права на самоопределение и ещё в период 1918–1919 гг. неоднократно поднимали восстания против правительства Грузии с целью воссоединения с Северной Осетией в составе Российской федеративной империи. Летом 1920 г. грузинская армия осуществила крупномасштабную карательную операцию в Южной Осетии, в результате которой десятки сёл были сожжены, по разным данным около 10 тысяч мирных жителей вынуждены были бежать в Северную Осетию.

В 1939 г. осетинская письменность, основывавшаяся на латинском алфавите, была переведена на грузинский алфавит, а в осетинских школах было введено преподавание на грузинском языке. В то же время осетинская письменность в Северной Осетии, которая входила в состав Российской Федерации, была переведена на кириллицу.

Таким образом, административное разделение осетинского народа без учета его интересов на два государственных образования было осуществлено с установлением советской власти. Южно-Осетинская автономная область входила в состав Грузинской ССР, а Северо-Осетинская АССР – в состав РСФСР. При этом из Южной Осетии был изъят Кобийско-Трусовский район, северную часть которого, начиная от села Коб до водораздельного хребта передали Казбекскому району, а южную часть от Крестового перевала до юго-восточной границы Лениногорского района включили в Душетский район Грузинской ССР. Значительная часть представителей осетинской интеллигенции и партийно-советской элиты, выступавшая за национальное единство, в 20–30-е гг. подверглась репрессиям. Политика властей советской Грузии в отношении Юго-Осетинской автономии очевидным образом была направлена на достижение трех целей: сдерживание её социально-экономического развития, стимулирование миграции осетин за пределы региона и их культурно-языковую ассимиляцию. Как следствие этого курса на протяжении всего советского периода, основные социально-экономические показатели в области многократно отставали от среднереспубликанских, а численность населения, прежде всего осетинского, демонстрировала устойчивую тенденцию к сокращению.

В конце 1980-х годов, когда на волне подъёма националистического движения грузинские власти выступили за ликвидацию автономных образований в составе Грузинской ССР, Южная Осетия, как и Абхазия, решила защищать свой статус. Южноосетинские депутаты приняли решение о преобразовании автономной области в автономную республику. Однако грузинское руководство признало это решение неконституционным. В декабре 1990 г. Верховный совет Грузинской ССР

упразднил Юго-Осетинскую автономную область, включив её территорию в состав Грузии областью на общих основаниях.

19 января 1992 года в Южной Осетии прошёл референдум о независимости республики. Свыше 98% принявших участие в голосовании высказались за независимость. В ответ в феврале 1992 г. грузинская артиллерия и бронетехника, расположенная вокруг Цхинвали, начали интенсивные обстрелы жилых кварталов. В итоге для разрешения ситуации в июле 1992 г. в Южную Осетию были введены смешанные российско-грузинско-осетинские миротворческие силы. Период открытого военного противостояния завершился до вооруженного вторжения сюда в ночь с 7 на 8 августа 2008 г. грузинских войск. На её защиту, как и на защиту другой де-факто независимой, но формально входившей в состав Грузии Республики Абхазия, встала Россия, которая остановила агрессию и признала независимость Южной Осетии и Абхазии.

Если бы предпринятый тбилиским режимом 8–12 августа 2008 г. блицкриг в Южной Осетии силами экипированных и натренированных американо-натовскими инструкторами грузинских военных достиг целей, для России это имело бы катастрофические последствия. Помимо утраты важных геополитических позиций в Закавказье и контроля над энергопотоками конфликт мог бы стать детонатором нового осетино-ингушского конфликта, обострения ситуации в Дагестане и Чечне. Началась бы цепная реакция, после которой российский Северный Кавказ быстро вернулся бы в состояние 1999 года.

Защита и признание независимости Южной Осетии и Абхазии являются одним из важных внешнеполитических шагов России за последние годы. Однако дальнейшие перспективы развития её отношений с вновь признанными государствами являются неопределёнными. Собирается ли Россия принимать Абхазию и Южную Осетию в свой состав? Как будут строиться взаимоотношения сторон, если Абхазия и Южная Осетия сохраняют суверенитет? Эти вопросы пока остаются открытыми, хотя в общем и целом уже сейчас можно видеть, что Южная Осетия ориентируется на вступление в состав России на правах части Северной Осетии, а Абхазия – на создание суверенного государства, тесно связанного с Россией de facto договором об ассоциации [16, с. 138].

Подводя итог всему изложенному о межнациональных отношениях в современной России, можно с уверенностью констатировать, что объективно национальный вопрос был и остаётся самым сложным в структуре социальных отношений, и его обострение следует искать не только в специфике национальных особенностей менталитета отдельных этносов, но и в сложном комплексе нерешённых экономических и социально-политических проблем современного российского общества.

Пока же федеральные власти, с одной стороны, не в состоянии создать систему межнациональных отношений, гармонирующую общероссийские, общегосударственные и национальные интересы. В некоторых случаях федеральный центр идёт на широкие уступки национальным регионам, чуть ли не поощряя открытый национализм, что становится серьёзным фактором возникновения острых конфликтных ситуаций на почве националистических требований. В 1990-х годах подобные ситуации создавались многократно. Но в то же время имеют место многочисленные факты ограничений граждан по национальному признаку при пассивном отношении к этому структур федеральной власти.

С другой стороны, борьба за национальное самоопределение, начавшаяся у многих народов в момент распада СССР, в некоторых регионах переросла в национализм. Как правило, он возникал в среде так называемых титульных наций, но нередко вызывал ответную националистическую реакцию со стороны других народов. Особенно острой в этом смысле выглядит обстановка на Северном Кавказе и в некоторых национальных образованиях Севера России. Вводились языковые цензы для кандидатов на выборные должности, разрабатывались планы выхода регионов из состава России, игнорировались законодательные акты федерального центра. Захлестнутые борьбой с центром, региональные власти ряда национальных рес-

публик теряли чувство меры в отстаивании национальных интересов, что, в свою очередь, усиливало политическую конфронтацию.

Ещё одна важная сторона проблемы в том, что в современной России межнациональные конфликты не имеют места в чистом виде. Как уже отмечалось, они замешаны на экономических, конфессиональных, политических проблемах. А национальная составляющая служит «горячим» дополнением к возникшей конфликтной ситуации.

Следует иметь в виду, что управление национальными процессами – это не насильственное вмешательство в национальную жизнь. Оно должно соответствовать законам и тенденциям, объективно действующим в системе национальных отношений, создавать благоприятные условия для развития этносов, разрешения их проблем и противоречий. Необходимо научно обосновать закономерности и тенденции развития наций и национальных отношений, принципы, форм, способов мирного сожительства народов в едином многонациональном государстве.

Управление национальными процессами на уровне разных ступеней власти предполагает регулирование отношений между федеральными органами и субъектами федерации, непременно включающими национальный аспект в многонациональной России. Важным уровнем являются отношения между субъектами федерации: республиками, краями, областями, необходимость сочетания их интересов, разрешения противоречий. Внутренние же процессы, т.е. управление национальными процессами внутри субъектов федерации тоже затрагивают вопросы взаимоотношений между этносами. Многие тут зависят от того, насколько будут отрегулированы межэтнические отношения на самом низовом уровне – на уровне коллективов, семьи, общин, отдельных поселений.

В этом плане не лишённой смысла была бы выработка научно обоснованной стратегии расселения мигрантов по регионам, разработка федеральной программы их социокультурной адаптации, а также формирование концепции информационно-пропаганды здорового образа жизни, семейных ценностей, отношений толерантности между мигрантами и коренным населением.

Представляется также целесообразным создание отдельного федерального ведомства, ответственного за реализацию национальной политики в Российской Федерации. В случае образования такой структуры необходимо тщательно изучить опыт функционирования Министерства по делам национальностей, расформированного в 2001 году, с тем, чтобы, взяв лучшее из опыта его работы, не повторять ошибок данного ведомства.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации. – М.: Юридическая литература, 2009.
2. Мукомель, В. Союз распался – межнациональные конфликты остались / В. Мукомель, Э. Паин, А. Попов // Независимая газета. – 1992. – 10 января.
3. Дробижева, Л.М. Этнические конфликты / Л.М. Дробижева // Политические исследования. – 1994. – №2.
4. Мониторинг легальной (законной) внешней трудовой миграции за 2004-2005 годы: Сборник. – М.: Экономика, 2006.
5. Бобырев, В.В. Незаконная миграция, её влияние на криминогенную обстановку в Российской Федерации. Проблемы законодательного обеспечения борьбы с незаконной миграцией // <http://www.duma.gov.ru>.
6. Анохин, П. Квоты братских народов. Как остановить нашествие «ненужных» нелегалов / П. Анохин // Политический журнал. – 2007. – № 9/10.
7. Гришанова, С. Национальная нетерпимость «великороссов» в зеркале общественного мнения / С. Гришанова // Власть. – 2008. – № 11.
8. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – М.: Юридическая литература. – 2000. – № 2.
9. Мукомель, В.И. Мигрантофобии и этнофобии в современной России / В.И. Мукомель // Этнодиалоги. Альманах. Приложение к журналу «Этносфера». – М., 2005. – № 2(23).

10. Морозов, Ю. «Этносепаратизм как угроза национальной, региональной и глобальной безопасности» / Ю. Морозов, В. Лутовинов // www.e-yor.nal.ru/besop-st3-10.zip
11. Евменова, Т.Л. Пути формирования международного механизма реализации права народов на самоопределение / Т.Л. Евменова, Л.Ф. Евменов // Сацьяльна-эканамічныя і правовыя доследванні. – 2008. – № 2.
12. Блищенко, И. Прецеденты в международном публичном и частном праве / И. Блищенко, Ж. Дорма. – М.: Юридическая литература, 1999.
13. Гасанов, Н.Н. Межнациональное согласие в Дагестане: проблемы и перспективы / Н.Н. Гасанов, К.Я. Зачесов, А.К. Казимов // Политические исследования. – 1993. – № 3.
14. Президент сказал о главном // Красная звезда. – 2006. – 1 февраля.
15. Казин, Ф.А. Взаимоотношения России с Южной Осетией и Абхазией в сравнительной перспективе / Ф.А. Казин // Политические исследования. – 2009. – № 1.

Материал поступил в редакцию 04.04.12

STARIKOV V.I. The international relations in modern Russia: contradictions and problems

The article is devoted to the internationality problems of Russia in modern conditions. The main attention is concentrated on interethnic conflicts, the cause of their origin and development, in particular, the problem of migration of population. Much attention is devoted to the problem of ethnic separatism and terrorism.

УДК 159.9

Трифонюк А.Ф., Сидорчук И.С.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Задача межличностных отношений – это чрезвычайно важная и трудная задача социальной психологии.

Вне общения человеческое общество немислимо. Общение – это процесс взаимодействия между людьми, в ходе которого возникают, проявляются и формируются межличностные отношения. Общение – это не только способ объединения индивидов, но и способ их развития.

За последние 25–30 лет изучение проблемы общения стало одним из ведущих направлений исследований в психологической науке и особенно в социальной психологии. Её перемещение в центр психологических исследований объясняется изменением методологической ситуации, отчетливо определившейся в социальной психологии в последние два десятилетия. Из предмета исследования общение одновременно превратилось и в способ, принцип изучения вначале познавательных процессов, а затем и личности человека в целом.

Сфера человеческого общения предельно широка, она охватывает все области взаимодействия людей. Потребность в общении – одна из важнейших потребностей человека. Таким образом, общение представляет собой сложное полифункциональное явление, в основе которого лежит обмен деятельностью и её результатами, а также информацией, опытом, умениями и навыками.

Существует сегодня немало работ по этикету общения «лицом к

лицу» на родном языке [14, 3, 5]. По нашему мнению, в них акцент ставится в основном на обучение таким формулам этикета, как формулы приветствия, приглашения, извинения и т.д. В них зачастую не учитывается возможность вступления во взаимодействие с представителями другой культуры, чьи понятия о вежливом поведении могут отличаться от носителей родного языка. Таким образом, такие задачи, которые поставлены в наших учебниках, пособиях, наших разработках по иностранному языку не в полной мере отвечают образовательным целям сегодня, включающее воспитание поликультурной личности способной к участию в межкультурном взаимодействии. Развитие же культуры межличностного общения является необходимой составляющей процесса изучения английского языка студентами экономического факультета нашего университета.

Культура иноязычного межличностного общения представляется нам многогранным, многокомпонентным понятием и подразумевает соблюдение языковой, речевой, коммуникативно-стилистической и этической норм поведения, учитывая при этом, социокультурные особенности, функциональные факторы ситуаций общения, а также уровень развития умений межличностного общения на иностранном языке – прерогатива вуза. Студенты-первокурсники нашего

Схема 1

Трифонюк Анатолий Фомич, доцент кафедры иностранных языков по экономическим специальностям Брестского государственного технического университета.

Сидорчук Инна Сергеевна, преподаватель кафедры иностранных языков по экономическим специальностям Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.